

МЕТОДОЛОГИЯ

УДК 159.9

Литвиненко И. Ю.

«ВЫСОКОМЕРИЕ» СОЦИОНИКОВ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПСИХОЛОГАМ И ВЫСОКО-«МЕРНОСТЬ» СОЦИОНИКИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПСИХОЛОГИИ

Сравнивается психологическая и соционическая методологии через понятие мерности ФИМ. Делается вывод о мировоззренческом и методологическом преимуществе соционики по сравнению с психологией, что приводит к затруднению диалога между их субъектами.

Ключевые слова: соционика, психология, мировоззрение, методология, теория, практика, мерность ФИМ, параметры ФИМ.

В [4] содержится, в частности, вопрос «На каких условиях?» может состояться диалог психологов и социоников. Ответ на него я услышал от весьма уважаемого соционика Г. А. Шульмана еще в 1994 году: «Я никого не собираюсь агитировать “за соционику”». От себя продолжу: «у кого хватает ума — того агитировать не надо, у кого не хватает — бесполезно».

Такая сентенция может показаться на первый взгляд весьма резкой, однако же она здесь употреблена преднамеренно, и вот почему. Основная мысль, которую хочется провести через всю эту статью, заключается в следующем: «Все, что психологам может показаться как высокомерие социоников по отношению к ним, на самом деле отражает преимущество соционической методологии (а именно — ее высоко-«мерность») перед психологией».

Сама постановка вопросов, формулировка проблем в указанной статье [4], а также некоторых других [5], показывает не просто несопоставимость психологических взглядов и соционической методологии, а их разный, если можно так выразиться, масштаб.

Примечательно, что увидеть эту разницу можно с соционической колокольни, а с психологической площадки — нельзя...

Для того, чтобы объяснить сложившуюся ситуацию, целесообразно привлечь соционическое положение о мерности функций информационного метаболизма (ФИМ) [1]. Известно, что максимальное количество параметров ФИМ («мерность») равно четырем, и эти параметры таковы:

- *опыт;*
- *нормы;*
- *ситуация;*
- *глобальность.*

Возможно, сами названия для параметров покажутся не вполне удачными, однако лучших пока не придумано.

Следует отметить, что «добавление параметров», как это отражено в соционической модели А, характеризует в частности также и этапы познания:

- зафиксировать явление;
- назвать его;
- дать его четкое определение;
- поместить в систему знаний.

Имея в своем арсенале такой методологический инструментарий, соционика, естественно, проводит исследователя через все эти этапы. В отличие от нее психология остается в границах максимум двух параметров: как бывает и как это называется. Попытки дать определения зачастую неудачны — психологи критикуют друг друга. Ну и до того, чтобы как-то соотнести определения, как правило, не доходит, ибо речь о построении целостной картины не идет.

Сетования психологов по этому поводу не приведут ни к чему, ибо двумерность психологии заведомо ограничивает такие попытки. И здесь мы подходим к одному из ключевых моментов. Любое познание имеет объект и предмет, в том числе — и частные науки. Человек, психика, общество — довольно-таки общие объекты для рассмотрения с разных точек зрения. Каждая область человекознания в этих объектах очерчивает свой специфический предмет.

Психология примечательна тем, что у нее объект и предмет совпадают. И именно в этом ее предназначение — быть вещью в себе: обозначить, что представляет собой психика как таковая. Она снабжает другие области человекознания терминами — начиная от собственно психики и сознания, и заканчивая обозначениями для психических явлений (процессов, свойств, состояний).

В таком виде она сложилась к настоящему времени, и с этим уже ничего не поделаешь... Но стоит ли из-за этого любую науку, где речь идет о психике, объявлять «разделом психологии» [4]? Наоборот, говорить должно как минимум о ее «развитии», «достройке» и т. д., если уж слово «психология» так незаменимо. Но этим неизбежно перечеркивается все «развитие», ибо «психология» (см. выше) — как вещь в себе не идет и не должна идти дальше названий для психических явлений.

Вот и соционика своим настоящим названием — «теория информационного метаболизма» — очерчивает и объект, и предмет: психика человека — объект, информационный метаболизм — предмет в нем. Диалектика такова, что с точки зрения информационного метаболизма, тип — это способ его осуществления; с точки зрения психики человека — это особая организация психического отражения. Все вместе: тип информационного метаболизма — это особая организация психического отражения в виде способа обработки информации.

Попутно можно заметить, что соционика развивается в двух противоположных направлениях — в сторону все большего углубления в понимание психики единичных субъектов и в сторону абстрагирования от человека и от его психики. Как раз во втором направлении она совершенствует методологию познания, что приводит ко все большей адекватности мировоззрения.

Для этого соционика использует не только и не столько признаки, сколько информационные аспекты и закономерности их взаимодействия, закрепленные в модели А, которая, таким образом, имеет универсальный характер и описывает 16 способов организации информационных процессов — типов информационного метаболизма.

А вот само построение психологии ведет к тому, что понять сущность типа (не только информационного метаболизма, но и вообще) в ее рамках очень трудно. По определению В. Д. Ермака, подход признаковой классификации в процессе познания — это преднаучный подход [2]. И действительно — выдвинуть признак — любой, какой заблагорассудится, в психологии обычное и даже почетное дело, и обозначается наиболее общий в методологическом смысле признак словом «конструкт», потому как его может конструировать в процессе, например, диагностики, сам испытуемый.

Выдвижение хоть какого-нибудь ориентира на пустом месте — дело вполне оправданное, а иногда единственно возможное. Но коль уж есть методология познания, то не пользоваться ею, а тем более — сознательно отвергать ее — кажется просто безумием. Б. Ф. Ломов [3] сетует (еще в 1984 году), что в психологии никак не сложится «сквозная методология», а меж тем этого не может произойти в принципе, пока психология остается двумерной.

Даже понимание типа в ней не отличается от понимания класса, а иногда — и признака... А ведь тип — по-гречески «отпечаток». Какой же смысл может иметь такое абсурдное словосочетание как «смешанные типы»? Ближе всего к настоящему пониманию в психологии оказываются типы темперамента. Это с методологической стороны, а с содержательной получается не все просто.

Если говорится о «смешанном типе» темперамента, о присутствии у индивида разных типов темперамента в различном соотношении, да еще с возрастной динамикой — то какой уж тут тип? Не легче ли объявить темперамент каким-нибудь «свойством», чтоб не сбивать с толку неопитов психологии.

Если же утверждать, что темперамент — это все-таки тип, то необходимо будет признать, что темперамент у субъекта один, и он не изменяется в течение жизни, а просто субъект проявляется по сценариям других типов темперамента, пусть даже не всегда близких ему.

Инструментарий познания тогда становится методологией, когда он осознается и применяется целенаправленно. В противном случае человек просто пользуется своим опытом, используя какие-то слова для его вербализации по необходимости. Следовательно, познание, опирающееся на методологию, с необходимостью оказывается как минимум трехмерным, то есть — выходящим за плоское восприятие.

Поэтому использовать свой жизненный опыт в вопросах психической жизни, переживаний и чувств, а также отношений может каждый. Это и происходит, когда непсихолог помогает своему знакомому в преодолении психологических проблем. От такого одномерного сценария в консультировании профессиональный психолог отличается тем, что добавляет еще один параметр — *нормы*; он знает, как назвать «по-научному» тот или иной компонент проблемы клиента.

Можно было бы возразить, что профессионал использует приемы, техники и другие средства воздействия на психологическую реальность, однако и такая деятельность является даже по замыслу репродуктивной, одномерной по параметру *опыт*. Изучи, что нужно в таком-то случае, и применяй! Это напоминает, с одной стороны, бихевиористский подход, а с другой — практику восточных гуру — слушай учителя и запоминай!

А что же творчество? Бывает, конечно, однако его субъекты в психологии редки, и они — на вес золота. Но даже и в этом случае ограниченная мерность самой психологии приводит к тому, что они становятся своеобразными гуру. Они не строят концепции, а создают школу. Поэтому эпизодические успехи психологии лежат преимущественно в практическом плане, но не в теоретическом.

О том, что субъекты человековедения с гуманитарным складом психики «не хотят или не могут» использовать методологию более высокой мерности, чем опытно-нормативную, говорит постоянно В. Д. Ермак [2]. Думается, что и тех, кто не хочет, но мог бы; и тех, кто не может, но хотел бы ограничивает одно-, реже — двухпараметричность гуманитарной описательно-текстовой парадигмы.

В свете вышесказанного вырисовывается интересная аналогия соотношения психологии и соционики как картин мира ребенка и взрослого. Каждый бывал в ситуации, когда невозможно ответить на детский вопрос, не применяя знаний, пока недоступных детской психике. Редко когда удается найти почти адекватную образную аналогию для ответа; очень часто взрослые не утруждаются и отвечают: «мал еще, подрастешь — поймешь».

И что же теперь ответить на вопрос «На каких условиях строить диалог социоников и психологов»? Если соционики со своей стороны будут говорить на своем как минимум трехмерном методологическом языке — психологи их не поймут; если начнут редуцировать — получится профанация...

А что же психологи? Получается, что им нужно вмиг стать «взрослыми», хотя бы «трехмерными», но возможно ли это? Ситуация отягощается тем, что находясь в явно ущербном положении, хотя и не будучи виновными в этом, многие психологи впадают в «крайность высокомерия» наподобие *подрезвизного*, страстно желающего напакостить *ревизору*... Непонятный им сложный информационный продукт, который представляет собой теория информационного метаболизма, они объявляют «глупым», «бессмысленным» и т. д. (многим из нас приходилось выслушивать подобные «оценки»).

Чтоб не быть голословным, приведу без ссылки цитату психолога, кандидата наук и зав. кафедрой одного ВУЗа: «Изучила я соционику, и у меня к ней сложилось стойкое отношение». Это дословно.

Какие еще могут предполагаться условия, на которых произошел бы «диалог соционики и психологов»?

Мне кажется, что эти науки сами по себе очень разные, причем, как было показано, имеют различный методологический масштаб и занимают соответствующие места в познании. Поэтому постановка вопроса в таком ключе имеет один ответ на него: «ни на каких».

Так что же, тупик?

Приведу еще одну цитату, на этот раз — доктора психологии, к тому же — по своему ТИМу □▲ (ЛИИ): «Я уже понял, что в соционике что-то есть, но чтоб мне ее изучить, я должен сначала освободить свой сосуд знаний, иначе то, что в нем содержится, не выпустит ее».

Представляется, что отдельно взятые психологи, по своему психическому складу предрасположенные к трехмерному познанию, могут вырваться за рамки двухмерности, найдя в соционике ответы на те психологические вопросы, которые какое-то время мучили их. Вздохнув с облегчением, они могли бы сказать: «Ну наконец-то! Вот блестящая объяснительная, да еще и немного прогнозирующая система!».

В то же время и среди тех, кто называет себя социониками, встречаются одно- или двухмерные гуманитарии, которые оперируют признаками, уклоняются в частности, упирают на единичное, закрывая глаза на общее и т. д.

Поэтому в соционике так много физиков, математиков, инженеров. И очень мало психологов. И это понятно: подняться над собой удаётся единицам. Ведь еще в 1995 году на Киевском семинаре (в КГДУ) говорилось, что уже студент-третьекурсник психфака для соционики потерян.

Так что «диалог» получается какой-то односторонний — соционики знают о психике, психических явлениях, возрастной динамике; психологи не воспринимают и не хотят понимать информационных аспектов, устройства моделей психики — их интересуют описания типов и отношений.

И наконец — вопрос, с которого следовало бы начать: «Для чего нужен этот диалог?».

Соционика могла бы заполучить от практической психологии огромную по объёму «хрестоматию» жизненных ситуаций для некоторой корректировки своих единичных выводов, а иногда — и обобщений. Однако для соционики такая хрестоматия — сама жизнь.

Психологи могли бы взять у соционики информацию о человеческих типах, что они, в принципе, и так пытаются делать. Но эта информация для них существует все в том же описательном ключе.

Получается, что запрос на диалог происходит от психологов, однако выглядит таким образом: «ну ладно, поеду в Америку, но английский учить не буду — пусть мне предоставят переводчика и все растолкуют!».

Кроме того, сам термин «психотип» (весьма ходовой!) умаляет экзистенциальный и методологический масштаб типа информационного метаболизма — ТИМа — как способа обработки информации. А так он мыслится в психологии как одно из человеческих свойств — не гарантия, что врожденных, неизменных и именно таких...

Психология около столетия пребывает в методологическом кризисе, и переход его в хроническую и неизлечимую форму констатировал Б. Ф. Ломов в 1984 году [3]. С любимыми мозолями носятся, их оберегают от воздействий, но в то же время — привыкли к ним и сама мысль о лечении повергает в ужас — как же мы без своей болячки-то?

Поэтому вряд ли найдутся условия диалога соционики с психологией, для этого они обладают слишком разными языками.

Об этом же говорится и в [4]: «нам, соционикам, важно сделать решительный шаг и избавиться от своего высокомерия; признать, что кто-то другой может быть не менее эруди-

рованным, затрагивать не менее глубокие проблемы». Однако даже в таком благом пожелании сквозит «неометодология» — ведь вопрос не в эрудированности не в глубине затронутых проблем, а во взгляде и видении. Проблемы можно ставить всякие — это вопрос объекта, а не предмета; не глубины, а скорее широты, также как и с эрудицией.

А вот глубина связана с системным мышлением, с пониманием системных иерархически вложенных уровней, что является неотъемлемым атрибутом соционической методологии. Также следует заметить в связи с глубиной, что многим недостает понимания того, что существует надментальный уровень бытия, который называется по-разному — пятое измерение, причинная сфера и т. д.

Чем меньше такого понимания, тем на более поверхностном познавательном уровне «барахтается» исследователь, как раз в этом случае и становится необходимым многознание, вплоть до учета всех возможных ситуаций и адекватных действиях в них.

Глубина предполагает один сконцентрированный взгляд, достаточный для адекватных действий в любой ситуации — об этом говорил С. Н. Лазарев на семинаре в Одессе, предлагая для этого аналогию с конусом.

Именно причинной или еще более высокой сферой обусловлены «ошибки» в практике как психологов, так и социоников. Иному клиенту решение его проблемы может повредить больше, чем некоторое страдание от неосознанного ее наличия. В этом случае надсистема посылает ему, раз уж он настойчиво его ищет, некомпетентного специалиста. Или же происходит так, что компетентный специалист «дает сбой» — неправильно идентифицирует ТИМ и выдает «не те» рекомендации, которые, с точки зрения высшей логики оказываются нужнее, хотя их можно покритиковать с точки зрения тех же, допустим, психологов или социоников.

То есть, это то, что касается применения теории на практике и его успешности — она определяется причинами более высокого порядка; и то, что кажется случайным в системе человеческого бытия в макром мире, оказывается закономерным при выходе в надсистему. Что же касается теории, то именно здесь более актуальны вопросы мировоззрения и методологии, которые в соционике оказываются как минимум на два параметра мощнее, чем в психологии.

Если и возможен диалог отдельных субъектов этих наук, то условие здесь для социоников — не впадать в высокомерие, а для психологов — подняться над своей одномерной описательно-признаковой парадигмой, руководствуясь пожеланием отечественного классика: «Учитесь, братья мои, думайте, читайте»...

Л и т е р а т у р а :

1. Букалов А. В. Структура и размерность функций информационного метаболизма. // Соционика, ментология и психология личности. — 1995. — № 2.
2. Ермак В. Д. Типоведение и соционика // Соционика, ментология и психология личности. — 1999. №6.
3. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. — М.: Наука, 1984. — 444 с.
4. Лытов Д. А. Диалог с коллегами: на каких условиях? — Ч.2.: Соционика и психологи // Соционика, ментология и психология личности. — 2003. — №6.
5. Шепетько Е. В. Проблемы соционики и социоников // Соционика, ментология и психология личности. — 2003. — №6.

Статья поступила в редакцию 05.08.2007 г.